

СОЗНАНИЕ И ВРЕМЯ

Непревзойденное значение темпорологических открытий Н.А.Козырева состоит в том, что своим открытием активных свойств времени он на высшем научном уровне доказал наличие того универсального единства Мира, которое оказалось разорванным в результате форсирования современной наукой формального логизма точных наук не признающих возможность различать причину от следствия.

Как известно решающими в этом были его исследования теплового века звезд, в результате которых им было установлено, что сводить тепловую энергию звезд только к термоядерным процессам внутри их недр оказалось недостаточным т.к. будучи справедливо в случае звезд малой и средней величины каковым является наше Солнце, эта теория оказывалась полностью неприемлемой для звезд гигантов. В то же время эксперименты американского астрофизика Дейвиса воочию доказали, что потоки нейтрино, идущие от Солнца на самом деле не столь интенсивны как предполагалось и следовательно недостаточны чтобы обеспечить его энергию. Напрашивался вывод о существовании неких дополнительных источников энергии пополняющих энергию звезд и обеспечивающих их долголетие и что эти источники кроются в ресурсах самой природы.

Исходя из данности что "Звезды во Вселенной существуют всюду" то следовательно " причина их жизнедеятельности должна иметь такую общность, которую имеют только пространство и время"¹. Пространство как аморфная категория, пассивное поприще, на котором разыгрываются события Мира, не выявляло нужную потенцию. Оставалось только время. «Остается заключить, что время, помимо пассивного, геометрического свойства, измеряемого часами, обладает еще и активными свойствами, благодаря которым оно может взаимодействовать с материальными системами и претпятствовать их переходу в равновесное состояние".²

В таком свойстве оно оказывалось не просто "четвертым измерением, дополняющим трехмерное пространство", а физическим явлением, явлением Природы, измерением могущим влиять на события Мира, участвовать в организации субстанции и взаимодействовать с материальными системами.

Так как "всякое негеометрическое свойство времени обязательно будет активным", то одним из таких свойств оказывался и направленный ход времени, проявляющийся в различии прошлого и будущего. Этим, однако, оно прямым образом связывалось с

1

2

причинностью, ибо «'следствие всегда находится в будущем по отношению к причине . которая всегда в прошлом по отношению к следствию,»^{1,3}

Причинность, таким образом, становилась тем главным и незаменимым показателем, с помощью которого время могло быть обнаружено в его нескончаемых проявлениях; в том числе и в такой щепетильной, тонкой, ускользающей сфере, каковой является психоментальный мир человека и его сознание.

Однако, данность позволяющая обнаружить время только в его проявлениях, делала его категорией находящейся за пределами прямой и материальной осязаемости, в связи с чем и все, связанное с ним приобретало некоторую черту недостижимости, или, той неисповедимости из-за которой Н.А.Козырев время назвал "важнейшим и самым загадочным явлением Природы".⁴

С другой стороны его тезис, что "Мир отраженный в зеркале полностью сохраняет причинность"⁵, оказался необходимым ключом к познанию Мира, детерминированного активными свойствами времени; этим ключом может явиться любая структура, в чьей каузальности содержится рефлексия времени.

Именно на этом построены искусство, наука и культура и только исходя из этого, оказалось возможным обозначить и определить такую нематериальную сферу каковой является душа человека и его сознание.

X x x

Проблемы, связанные с сознанием, в прошлом бывшие лишь поводом для философских рассуждений, к концу 19-го и началу 20- го веков становятся предметом усиленного и целенаправленного изучения, что , как сказал К. Г. Юнг было связано с тем, что " в человеке назрела потребность в самоосознании"⁶. Базовой основой для учреждения новой научной области- психологии- стали работы выдающегося австрийского психиатра-терапевта и ученого Зигмунда Фрейда, обобщившего результаты своих клинических наблюдений в ряде теоретических работ. Занимаясь проблемой невротических отклонений своих пациентов (пациенток по-преимуществу), Фрейд подошел к сфере подсознательного- той части психической жизни человека, которая будучи скрыта и неосознаема, обнаруживала себя в проявлениях. Этими проявлениями для Фрейда явились сны, в чьих символическом и зашифрованном содержании он находил ключ к разгадке наблюдаемых им психических отклонений. Выделив и теоретически обосновав эту сферу, Фрейд сумел конкретизировать область подсознательного и установить ее отношение к

3

4

5

6

сознательному как высшему проявлению душевной жизни. Эти усилия и стали его высочайшим вкладом в область психологии как научной дисциплины.

Начатый им процесс продолжил его ученик, последователь и друг- швейцарский ученый и психиатр- Карл Густав Юнг, всю свою научную деятельность посвятивший исследованию сферы бессознательного, результатом чего и стал его капитальный труд- "Об архетипах коллективного бессознательного".

Если Фрейд сферу бессознательного назвал " местом скопления вытесненных и подавленных содержаний" и догадывался о ее связи с архаико- мифологическими формами сознания, то многолетние исследования К. Г. Юнга этой области полностью подтвердили догадку Фрейда. Юнг установил, что наряду с личностным бессознательным, т.е. подсознанием как его определил Зигмунд Фрейд, существует также и " коллективное бессознательное", которое не будучи индивидуальным, тем не менее составляет базу психической жизни каждого человека.

Так как наличие чего бы то ни было в душевной жизни человека может быть опознано только при наличии в нем осознанного содержания, то сознанным содержанием индивидуального бессознательного по Юнгу стали эмоционально окрашенные комплексы, а осознанным содержанием коллективного бессознательного явились архетипы. Слово " архетип" впервые встречается у Иринейя, которым сказано: " Творец не из себя создал все это, но из стоящих вне его архетипов".

Некоторое подобие того же смысла вложено в "идеи" Платона и философов его круга, вкладывавших в "идею" также и значение "света", "вспышки" и " сияния". В своих семантических исследованиях античного фольклора, О.М. Фрейденберг говорит о двух архетипах , состоящих в отношении противопоставленности: " гений", взятый в значении мужской ипостаси, обозначал телесную проявленность души, и связывался также с отцом, родозачинителем, родоначальником , вожаком, и, равно относясь к природе, животным и вещам, указывал на свое восхождение к тотему.

Его антиподом явилась "анима"- женский двойник " гения"значаций душу в ее бестелесности и тоже связаемый с природой и жизнью вообще. Установив, что природа архетипов наилучшим образом соотносится с мифами и сказками, Юнг находил, что в разных феях, русалках, ундинах, сиренах и мелюзинах, столь часто встречаемых в сказках кроется разгадка того символического содержания, которое вложено в архетип " анимы". Означая непроявленные, неосязаемые состояния души, тяготеющей к телесной оформленности, представленной в " гении" или "отце" анима оказывалась соотнесенной с мутной, ускользящей, неуловимой и растекающейся стихией вод.

" Путь души, ищущей потерянного отца...ведет к водам, к тому темному зеркалу, лежащему у основания души. Избравший себе в удел духовную бедность...вступает на

путь, ведущий к водам. Вода- это не прием метафорической речи, но жизненный символ пребывающий во тьме души"⁷.

Поэтому в символике русалок, фей, ундиин, сирен и мелюзин, заманивавших рыбака в темную глубину вод, выразилась та опасность, которую несет в себе всякое смутное, не проявленное, мятущееся душевное состояние, увлекающее человека в бездну бессознательного.

Страх, испытываемый первобытным человеком от неменяемых, иступленных и неконтролируемых состояний, и подтолкнул К.Г.Юнга к убеждению что "Все стремления человечества направлены на укрепление сознания"⁸.

К тем же выводам но на другом материале и в другой дисциплинарной системе науки подошла и О.М.Фрейденберг показавшая на примере древнегреческой литературы, что в мифологическом восприятии всякое неистовство, опсесивность и сквернословие, отсылалось к поприщу смерти, подземному царству, преисподне – к "оргазму" данному в значении и оргии и сексуальности. Как видно еще задолго до Зигмунда Фрейда, в период родовых и поздне родовых формаций, всякое проявление бессоснательного отсылалось к низкому, т.е. находящемуся под землей, в обиталище смерти, в преисподне и там же находилась и сфера всякой разуданности, т.е.- оргиастичности.

Зигмунд Фрейд, исследуя причины психических нарушений своих пациентов, недаром их размещал в область подсознательного, где уже находилась сфера сексуальности и либидо. Повидимому еще в дремучей древности человеком все бессознательное, неконтролируемое и аффективное относилось к смерти и наоборот лишь только путь ведущий к сознанию и разуму считался путем ведущим вверх, к небу- к жизни.

Если непреложен закон, в силу которого " все сущее в этом мире покоится на собственной противоположности"⁹ и, следовательно , - в любом хаосе таится неминуемость космоса, в любом беспорядке- возможность порядка, в любом произволе- непрерывность закона, то и в любой бессознательности должна таиться обязательность сознательного.

Однако для того, чтобы это утвердить, был необходим " все разрешающий в антиномических кругах разум"¹⁰ ; знача мысль и мышление он был обусловлен "языковой матрицей" – той самой языковой сферой, исследование которой и привело к созданию общезначимой философии языка Александра Афанасьевича Потебни.

х х х

7

8

9

10

Все то, что с уклоном в сторону чисто психологического толкования проблемы сознательного и бессознательного, ознаменовало деятельность К.Г. Юнга, гораздо раньше его, а именно, в 60е годы девятнадцатого века стало предметом пристального научного внимания А.А.Потебни- ученого всю жизнь посвятившего созданию своей, теперь уже общеизвестной теории языка.

Если путь К.Г. Юнга, шедший в направлении от бессознательного к сознательному, выдвигал безусловность " языковой матрицы", то путь А.А.Потебни к тому же сам шел в направлении противном от этого. Считая, что слово нужно " для того, чтобы узнать человеку, что происходит в нем самом...", а язык "есть средство понимать себя". А.А.Потебня, идя от слова к душевой жизни, " отвергал все определения слова, рассматривавшие его как внеположные сознанию"¹¹.

Испытав на себе влияние крупнейшего немецкого филолога Вильгельма фон Гумбольта, считавшего что " язык- есть не дело (ergon), готовый продукт, а деятельность (energia), то есть самый процесс производства"¹². Потебня именно это положение взял в основу своей концепции языка противопостав ее ходовой в ту пору теории А.Веселовского, рассматривавшего язык лишь как "способ выражения и сообщения готовой мысли" т.е. как готовый продукт" предназначенный для нужд общения.

Видя язык в его диалектической явленности, т.е. как процесс, в котором " слово в человеке вынуждается работой мысли" А. Потебня выдвинул собственную дефиницию, в силу которой " язык есть непрерывное усилие духа найти членораздельный звук для выражения мысли"¹³. Тем самым слово в его видении возникает в результате беспрерывных душевных усилий человека, высказать впечатления, получаемые им от взаимодействия с окружающей его действительностью.

Считая, что с помощью слова человек узнает то, что еще раньше существовало в его сознании"¹⁴ Потебня слову придавал значение ориентира, точки координат, помогавшей первобытному человеку организовать и упорядочить свои восприятия. " Значение слова для мысли сводится к тому, что оно 1. объединяет чувственный образ; 2.обуславливает его сознание"¹⁵.

Именно поэтому слово для него является " способом объективации мысли", и, участвуя в образовании понятия, становится неотъемлемым условием в конституировании сознания. Организуя представления, слово оказывалось инструментом, помогавшим человеку овладеть новыми данными опыта и в силу этого становилось главным орудием познания Природы и Мира.

11

12

13

14

15

Но т.к. жизнь слова находит свое истинное назначение только в процессе своего употребления, т.е. своего участия в языке, или в словесном мышлении, то, обозначив слово как " способ объективации мысли" А.А.Потебня язык определил как " способ объективации слова в мышлении", связав тем самым оба процесса- и словообразование и словоупотребление- единством неразрывной, взаимообусловленной мыслительной деятельности.

В таком контексте, установленная К.Г. Юнгом роль " языковой матрицы" в учреждении сознания, находит свое полное обоснование в лингвистической системе А.А.Потебни, что через комплиментарность двух научных дисциплин утверждает универсальность и объективность рассматриваемого явления.

Обозначив словообразование и словоупотребление двумя взаимообусловленными и взаимосвязанными процессами, определяемыми действием мысли в слове и слова в языке, перед А.А.Потебней со всей неизбежностью встала потребность установления состава слова. В этом смысле, если словообразование диктовало необходимость " найти членораздельный звук для выражения мысли" то состав слова определила связь между звуковой формой и значением. Результатом этого исследования явилась дефиниция, в силу которой- "Первоначально всякое слово состоит из трех элементов: единства членораздельных звуков, т.е. из внешнего знака значения; представления или внутреннего знака значения, и – самого значения"¹⁶.

Будучи познавательно заданными и обусловленными стремлением и максимальному соответствию звуковой формы и значения, слова по своему внутреннему составу оказались разделенными на две группы: слова-термины и слова-символы. Их различие определяла функция внутреннего знака значения или представление, которое в слове-термине оказывалось почти полностью утерянным, и в нем значение непосредственно вытекало из звуковой формы, что и делало его употребимым в научном дискурсе.

Состав слова, в котором внутренний знак значения, или " представление" приобретает превалирующую функцию, т.к. выстраивает целое значение так, что раздвигает его смысловую и семантическую потенцию до многократных вариантов, А.А.Потебня назвал "словом-символом" , сведя область его применения к поэтическим дискурсам и к художественной прозе.

Эти выводы Потебни нашли свое подтверждение в семантических исследованиях О.М. Фрейденберг, которая на материале древнегреческой литературы показала, что нарождающиеся в ней понятия возникали в виде метафор- " этого образа в функции понятия и понятия в виде образа"¹⁷. Также как и в слове-символе: семантическая многозначность метафоры проистекала из принципа переносности, которым конкретность единичного переводилась в многократную вариантность обобщающего смысла.

¹⁶

¹⁷

Как видно, и в слове-символе и в понятии- метафоре, переносность, перенимая функцию внутреннего знака значения, становится той самой причиной, которая, запуская в ход движение идущее от причины к следствию, приводит к нужному значению. Это и в слове-символ и в понятие-метафору вносило тот самый внутренний динамизм, который будучи обусловлен движением, идущим от причины к следствию указывал на рефлексию активных форм времени и его хода, которое по Н.А.Козыреву "существует всегда, но проявляется оно в причинных связях"¹⁸.

Следовал вывод, что переход от мифологических или акаузальных форм мышления к понятийным или каузальным был обусловлен процессом познания, менявшим восприятие действительности так, что все более утрачивая свой первобытный синкретизм, оно все сильнее проникалось подвижностью тех нескончаемых перемен, которые в мир входят через время. Это и обусловило позицию понятия, которое по О.М. Фрейденберг "начавшись в античности как высшая форма мышления в формальном логизме может закончиться как низшая"¹⁹.

х х х

Второй аспект жизни слова, связываемый А.А.Потебней со словоупотреблением т.е. с жизнью слова в языке, представлял собой применение слова к новым данным опыта и значил объективацию слова в мышлении. В ходе этого процесса возникало новое слово или слово с новым значением.

Назвав этот процесс " познавательной апперцепцией" , А.А.Потебня и словообразование как действие мысли в слове и словоупотребление как жизнь слова в языке или мышлении отводил к процессу познания. Так как " подобное воспринимается подобным" и " подобное познается подобным" то сущностью " познавательной апперцепции" и стало опознание еще неизвестного с помощью уже известного.

" При помощи слова совершается познание. Познание есть приведение в связь два комплекса мышления: еще не познанного (Б) и ранее познанного (А), сравнение А и Б при помощи общего для них признака "а", взятого из А"²⁰. В ходе этого процесса, когда слово обозначает- называет новые данные опыта или действительности и рождается новое слово или новая семантика. Именно поэтому словоупотреблению как наиболее важной части словесного мышления, А.А.Потебня и отводил превалирующее место в своей языковой системе.

Данность, в силу которой мысль телеологически определяет природу слова автоматически определяла и его познавательную функцию, что будет высказано Потебней в следующей формулировке: " Действие мысли в возникающем слове есть сравнение двух

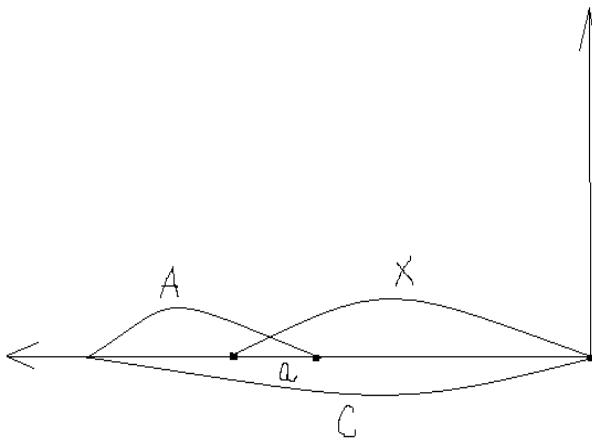
18

19

20

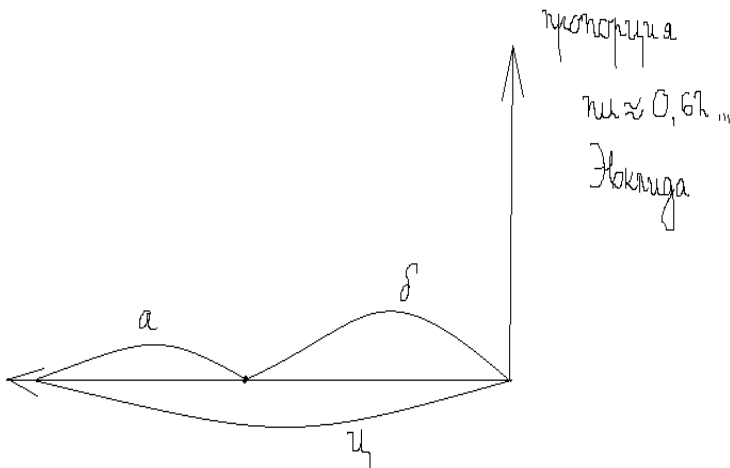
мыслительных комплексов: вновь познаваемого X и прежде познанного A , посредством представления "а", взятого как *tertium comparationis*"²¹. Как видно и "действие мысли в возникающем слове" и "познавательная апперцепция" или процесс познания оказывались в сущности процессами эквивалентными. В силу этого, как заключил Потебня, любой дискурс, содержащий в себе слово, также становится познавательно заданным и познавательно определяемым- и миф, и религия, и искусство, и поэзия и наука. Это, однако, всю область лингвистики вплотную подвигало к проблемам Теории познания, и, в особенности, к той ее части, которая рассматривала вопрос отношения мысли и действительности. Показав, что и действие мысли в возникающем слове и "познавательная апперцепция", то есть акт познания, являются в сущности одним и тем же процессом, Потебня с помощью аргументов, почерпнутых им из лингвистики нашел ответ на столь дебатированный философский вопрос. Он показал, в сущности, что единственно возможное решение именуемой проблематики может быть дано только через языкознание.

Если выразить графически структуру вышеназванных процессов- познания, действия мысли в возникающем слове, и состава слова, то их тождественность проступит с убедительной наглядностью.

где A -уже познанное; X – еще не познанное и "а"- общий и для одного и для другого элемент (сравнения) взятый из A . C - это бесконечно меняющаяся действительность.

Если сравнить эту схему с графическим изображением формулы "пи" Эвклида

где а- меньшее; б-большее; и Ц- целое.

То станет очевидным их графическое тождество. Обозначив свою формулу отношением, в котором "целое так относится к большему, как большее относится к меньшему", Эвклид в нем обнаружил единый структуротворный принцип, содержащийся в самой природе и одинаково проявляющийся в любой организованности. Так как заключенное в ней взаимодействие частного и общего, составляет суть и моральной и эстетической категорий, то этим число обозначаемых ею функций возрастает до неопределимого но вероятного множества.

Тождество познавательного, словообразовательного, структуротворного, морального, эстетического и религиозного, проистекающее из открытий, сделанных двумя разными учеными, жившими во времени, разделенном двухтысячелетним интервалом, тем самым подтверждает объективную действенность этого универсального отношения, названного Леонардо да Винчи "золотым". Однако заключенное в ней взаимодействие частного и общего, познанного и познаваемого образует ту самую причинно-следственную связь, которая возникает под действием общего для одного и для другого элемента "а", представляющего область сравнения. Поскольку в причинных связях проявляется активное время и его ход - "следствие всегда находится в будущем по отношению к причине, которая всегда в прошлом по отношению к следствию"²²-, то очевиден вывод, что в пропорции "пи" тождественной с принципом познания и словообразования заложен тот единый и универсальный закон структурообразования, в котором находит рефлексию то свойство активного времени, которым оно "может участвовать в организации субстанции".

Кроме того, коль скоро "Время втекает в систему через причину к следствию"²³ то это значит что любая система вообще и любая структура конкретно своей нерасторжимой причинностью являют собою рефлексии активного времени- его созидательных свойств.

Также и слово, которое в лингвистической системе А.А.Потебни, будучи объективацией мысли и возникая под действием мысли и действительности в своем составе выявляет ту же причинно-следственную связь, которая возникает при взаимодействия звуковой формы- внутреннего знака значения (представления)- и самого значения.

Однако, путь от причины к следствию есть не только ход времени, но и путь мысли и в применении к слову это значит что время через мысль входит в слово структурным элементом.

Сознание, которое в системе А.А.Потебни "невозможно без суждения" т.е. понятия, и которое в системе К.Г. Юнга невозможно "без матрицы языка", делает слово своим конституционным условием. Тогда все то, что составляет телеологию слова и языка в равной степени может относиться и к телеологии сознания, и, тогда, если время через мысль входит в слово структурным элементом, то это значит, что сознание представляет собой рефлексию времени в психоментальном, или духовном содержании особи. В той же мере, в какой жизнь слова обусловлена деятельностью определенной взаимодействием мысли и действительности, и жизнь сознания обусловлена тем же самым. Именно это и делает сознание непременным условием индивидуации- обособления единичного от общего.

Отношение к слову и языку как к хранилищам времени, высказанное в поэзии известного ирландского поэта Вистана Хью Одена написавшего:

Время, которое не лелеет
Храбрах и невинных
И быстро хладеет к физической красоте,
Боготворит язык и -
Прощает всех, кто им живет.
Прощает трусость, тщеславие
И на головы ихние
Лавровый венок кладет.

будет подхвачено русским поэтом Иосифом Бродским, который в своих интервью неоднократно высказывался о времени. Его тезис, что "Время -это измерение которым Бог пытается обозначить свое существование"²⁴ в соотношении с оденским восприятием слова как хранилища времени, неожиданным образом окажется соотнесенным с библейским: " Вначале было слово, и слово было у Бога и слово было Бог".

х х х

Если время чрез мысль входит в систему, обуславливая ее организованность (" Время может участвовать в организации субстанции"), что скрупулезным образом и в системе убедительной и научно обоснованной аргументации прослежено в рассматриваемых здесь трудах Н.А.Козырева, А.А.Потебни и О.М.Фрейденберг, - то со всей непреложностью следует вывод, что время вносит в мир метафизические свойства, подтверждая тем самым позицию античных философов, которые считали что мир одновременно материалистически- идеалистичен и идеалистически- материалистичен. Возрение не только полностью соответствующее антиномической природе всего сущего, но и ее телеологически обосновывающее.

Подводя итоги своей универсальной философии языка и лингвистической системы, А.А.Потебня высказал убеждение, что наука объективирует то, что в конкретно-чувственной форме уже объективировало искусство и что наука ,тем самым, есть высшая стадия объективации действительности. Если согласиться с этим утверждением, то неизбежен вывод, что Темпорологическая теория Н.А.Козырева, теория языка А.А.Потебни и семантическая теория возникновения художественного мышления О.М.Фрейденберг, каждая в рамках своей автономной научной области и все они вместе объективируют наличие метафизических свойств мира, входящих в него через время.

Поэтому, в свете того знания, которое в науку внесла темпорологическая теория Н.А.Козырева, всякая идеология, которая в своей системе не учитывает фактор времени, может считаться безнадежно ущербной. Тем не менее к началу 20-го века мир – " захлестнутый волной моды на материализм и эмпиризм начинает все более склоняться к сугубо материалистическому мировоззрению , воплощенному в теории К.Маркса и его словах." Философы лишь различным образом объясняли мир, дело заключается в том, чтобы изменить его"²⁵ . Это означало, что не Время, а человек становился двигателем мировых событий- роль до этого принадлежавшая только Богу.

Тем самым идеология, перестав быть синтезом всего накопленного доселе знания, становилась орудием вмешательства в миропорядок, подверженный действию постоянных перемен, входящих в него через время, и для того, чтобы его изменить, мир в новом толковании принудительно нужно было представить одномерно- пространственным, замкнутым и статичным. Все разнообразие и богатство, вся его непредсказуемость,

²⁴

²⁵

входящие в него через время, его событийность и динамизм, оказывались за пределами идеологически очерченного пространства, его насильственной идеологической проекции, втискивающей " антиномическую природу всего сущего" в прокутство ложе утилитарной однозначности. Естественным следствием этого ,как неизбежный императив существования, явилось насилие; на Востоке оно проявлялось в общей лагеризации жизни, в уравненном коллективизме превобытной бесклассовости, в репрессивных методах управления, напоминающих методы инквизиции. В силу этого начинает возрастать роль тайных служб, само действие которых вносит в жизнь общества механизмы скрытой гражданской войны. Творческие, созидательные потенции общества отстают перед натиском энтропийных сил.

В том же идеологическом ключе к середине сороковых и к началу пятидесятих годов XX века на Западе "начала формироваться своеобразная совокупность идей мировоззренческого характера. Внутри этой совокупности можно выделить три основных компонента: деконструктивистскую философию языка, социальную теорию Маркса и психологическую теорию Фрейда. Будучи объединены, эти три теории предлагают нам всестороннее объяснение некоторых ключевых сфер реальности"²⁶.

Деконструктивистская теория языка как "наиболее универсальная", третируя слово, язык и словесные явления как " замкнутую в себе систему, не допускающую выхода за пределы установленного круга постоянно меняющих свой объект обозначений"²⁷, становится теорией прямо противопоставленной лингвистической системе А.А.Потебни и его философии языка, в которой слово, язык и словесные образования трактуются как нескончаемый процесс , как деятельность обусловленная взаимодействием мысли и действительности. Будучи производным духовно- мыслительного напряжения, творческого и волевого акта, слово и язык в новом толковании подменяются идеей готового, застывшего и семантически неменяемого знака, вовлеченного в нескончаемый круг "механистических соединений". Тогда все три теории, включенные в состав именуемой идеологии, оказывались окруженными «своего рода защитным полем, непроницаемым для любого рода критики"²⁸. Это,автоматически исключало всякую попытку их научного истолкования, если исходить из данной А.А.Потебней дефиниции науки как «критики плюс анализа».. В таком значении " теория" перестает трактоваться в соответствии с уже сложившейся во времени семантикой этого слова, несущей значение теоретически, а не эмпирически обоснованного научного наблюдения и приобретает значение архетипа или синкретического знака, подобного тотему.

26

27

28

"Она подразумевает, что кроме современной, никакая другая, прошлая теория не достойна этого имени, а также то, что современная теория, в некотором роде, является собой квинтэссенцию всего теоретического"²⁹.

Будучи прямым производным деконструктивистской философии языка эта теория названная "постмодернистской", и взятая за образец "теоретической теории", начинает утверждать отрицание именно того телеологически заданного познавательного свойства, которое по А.А.Потебне имеет все что в себе содержит слово.

Устранив функцию автора как определяющую в построении любой структуры- и художественной и научной- постмодернизм оказался весьма пригодной теорией "для того, чтобы приспособить наше мировоззрение к современной научной идеологии, которая состоит в восприятии мира как сложного набора механизмов и их соединении"³⁰.

Поэтому равно как на Востоке так и на Западе идеология становится не производным познавательного процесса, устанавливающего картину мира, а наоборот- сводом правил, налагающих каким образом следует относиться к окружающей действительности. Тем самым не только в частности, но и вообще, объективная реальность начинает принудительно втискиваться в прокутство ложе на силу составленного постмодернистского катехизиса. Подобно тому как постмодернистская теория подчиняет себе "всю область научного знания", так и точные науки, в которых "утрачено различие между причиной и следствием" становятся аванпостом актуального научного "мэйнстрима". Вопреки темпорологическим открытиям Н.А.Козырева, доказавшим, что объективный мир детерминирован временем, и материалистическая и постмодернистская теория в равной мере пытаются втиснуть этот мир в замкнутое пространство своей идеологической обозримости, и, отрицая его причинную обусловленность, противопоставляют ему антикаузальный мир механики. Типичным примером такого богоуподобленного возвличивания возможностей техно-механической науки, пренебрегающей фактом, что "причинность является важнейшим свойством этого мира", явились открытия Николая Теслы, в эксперименте продемонстрировавшие лишь огромную разрушительную мощь. Привлекательность этих наук, обусловившая их воздвижение на 'пьедестал мировой науки, заключалась как раз в их предвидимости, заложенной на их антикаузальности. Проведенные О.М.Фрейденберг исследования, однако, показали, что антикаузальность, равная суммарности мифологического мышления, в ходе развития, устанавливающего новые контексты, может оказаться мышлением обывательским.

Вот почему Эрнст Мах увлеченный заложенной в точных науках предвидимостью, построил концепцию мира, в которой получилась его парадоксальная философия, противоречащая действительности и показавшая этим неполноценность принципов точных

29

30

наук"³¹. Тем не менее именно она стала идеологическим вектором техногенной цивилизации и ее производного- виртуальной действительности.

Ее высшим достижением стала общая компьютеризация, которая вытеснив слово и язык и сведши их функцию к придаточной по отношению к техногенному окружению, обусловила повсеместно наблюдаемое явление умственного отставания, особенно выраженное у детей-факт, установленный израильским ученым Акерманом в ходе четырехлетнего исследования.

Устранив из жизни тот самый метафизический план, который входит в мир через слово-это хранилище времени, и которое является единственным и безусловным условием мышления, сознания и интеграции на общественном уровне, именуемая идеология и ее производное – техногенная цивилизация- явились генераторами разных насильственных вторжений в упорядоченую и строго-каузальную систему мира и природы, обусловив тем самым разные проявления энтропийности в виде планетарных катастроф: тайфунов, ураганов, землетрясений и цунами, экстремальных климатических аномалий исчезновения циклической смены времен года, усилению ультрафиолетового излучения производящего повсеместные пожары в летнем периоде, суши, наводнения, и др.

Коль скоро слово и язык являются несомненным условием сознания, то будучи поставлены в позицию придаточности по отношению к техногенному миру, они эту функцию теряют. В силу этого возникают условия, которые возвращают человечество к тем первобытным истокам. когда по К.Г. Юнгу и по О.М.Фрейдбергу складывались те самые архетипы в которых воплотилось содержание "коллективного бессознательного". Имея в руках огромный арсенал изощренных технических средств, такое человечество, лишенное сознания и морального императива, становится потенциально все более опасным.

Возможно именно это и имелось ввиду в самой древней книге Бытия- Библии, в которой мир без слова и без времени назван Апокалипсисом- концом всего сущего.

Стоило бы, поэтому, пока еще не поздно, обратиться к знаменательным словам русского ученого- астрофизика Н.А.Козырева, сказавшего еще в середине прошлого века: " Наблюдая звезды на небе, мы видим не проявление разрушительных сил природы, а проявление ее творческих сил, входящих в мир через время"³².

(Глава из книги "Время в пьесе А.П.Чехова "Вишневый сад")

А.Поликарпова

31

32

Сноски:

1. Н.А.Козырев: Избранные труды.Л.,1991.стр.405.
2. Там же
3. Там же
4. Н.А.Козырев: Избранные труды.Л.,1991.стр.335.
5. Там же. стр. 327.
6. К.Г. Юнг: Об архетипах коллективного бессознательного " стр. 77. В кигк: К.Г. Юнг ; Мишель Фуко : "Матрица безумия". Алгоритм.М. 2007
7. Там же стр.8?.
8. Там же стр.9-.
9. Там же стр. 101.
10. Там же стр. 101.
11. В.М.Энгельгардт: Феноменология и теория словесности.НЛЮ, М.,2005,стр. 63.
12. Там же стр. 63.
13. Там же стр. 101.
14. Там же. Мысль и язык. Стр.167
15. Там же. Мысль и язык. Стр.167
16. Там же стр. 72.
17. О.М.Фрейденберг: Миф и литература древности. Метафора.стр. 167.
18. Н.А.Козырев.Избранные труды. Издание Ленинградского университета, Ленинград.Человек и природа. Стр. 405.
19. О.М.Фрейденберг: Миф и литература древности. Стр.19.
20. В.М.Энгельгардт: Феноменология и теория словесности.НЛЮ, М.,2005,стр. 104.
21. Там же стр. 107.
22. Н.А.Козырев. Человек и природа. стр.404
23. Там же. стр. 344.
24. Бродский Иосиф: Интервью. М.,2009.
25. К.Маркс; Сочинения.
26. Кэррол, Джозеф: "Теория", антитеория и эмпирические литературоведения Вопросы литературы 2006/1. стр.98
27. Там же. стр. 93.
28. Там же. стр. 94.
29. Там же. стр. 95.
30. Там же. стр. 95-96.
31. Н.А.Козырев. Человек и природа.стр. 403.
32. Там же. стр. 406.

Литература:

1. К.Г. Юнг; Мишель Фуко : "Матрица безумия". Алгоритм.М. 2007.
2. В.М.Энгельгардт: Феноменология и теория словесности.НЛЮ, М.,2005
3. О.М.Фрейденберг: Миф и литература древности.Изд-во Наука,М., 1978.
4. Н.А.Козырев Избранные труды. Издание Ленинградского университета, Ленинград, 1991.

5. Бродский, Иосиф: Интервью. М.,2009.
6. К.Маркс: Сочинения.